

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 3. С. 827–865.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 3 (2024): 827–65.

Научная статья

УДК: 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-3>

EDN: TWMDMU

Судебно-следственные функции у мировых судей Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Архангельской губернии): проекты, практика реализации, противоречия

Олег Викторович Минчук

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия,
o.minchuk@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>

Oleg V. Minchuk

Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
o.minchuk@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>

Аннотация. Статья посвящена анализу проблематики соединения судебных и следственных функций у мировых судей Российской империи в контексте проведения судебной реформы 1864 года на окраинных территориях государства. Обзор историографии по теме показывает, что особенности судебно-следственного дуализма мировой юстиции редко становятся объектом исследовательского интереса отечественных ученых. Уделено внимание основным мотивам объединения судебных и следственных функций, среди которых выделяются потребность в оптимизации судопроизводственной деятельности и государственных расходов при реализации судебной реформы, а также необходимость в приближении мирового суда к местному населению. Приводится обзор общей хронологии законодательного закрепления данной особенности в различных отдаленных регионах Российской империи и авторская классификация моделей воплощения судебно-следственных функций у мировых судей, в которой выделяются различия регионов в отношении распределения данных полномочий. На примере Архангельской губернии дается подробный обзор эволюции взглядов и оценок руководителей Министерства юстиции и местных представителей судебного ведомства на эффективность указанной модели мировой юстиции. Отмечается, что отношение к судебно-следственным функциям мировых судей

© Минчук О.В., 2024

© Minchuk O, 2024

менялось от безусловного принятия данной меры до категорического отрицания ее пользы для местной юстиции. В статье характеризуются особенности правового статуса мировых судей Архангельской губернии. Отмечается, что юрисдикция мирового суда на данных территориях в целом была аналогична модели закавказского мирового суда. На основе архивных материалов, в том числе данных о результативности деятельности мировых судей Архангельской губернии, выдвигается предположение об отсутствии в рассматриваемый период адекватных и своевременных мер по усилению штатов местной мировой юстиции. Отмечается, что опыт функционирования судебно-следственной модели мирового суда в Архангельской губернии в целом можно признать неудачным.

Ключевые слова: судебная реформа, мировой суд, судебно-следственная юстиция, судебные уставы, Архангельская губерния

Для цитирования: Минчук О.В. Судебно-следственные функции у мировых судей Российской империи в конце XIX – начале XX века (по материалам Архангельской губернии): проекты, практика реализации, противоречия // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 3. С. 827–865, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-3>; EDN: TWMDMU

Judicial and Investigative Functions of Magistrate's Court of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century (Based on the Materials from Arkhangelsk Governorate): Projects, Practice of Implementation, Contradictions

Abstract. The article deals with the problem of combining the judicial and investigative functions of the magistrate's court of the Russian Empire in the context of the judicial reform of 1864 in the outlying territories of the state. Historiographical analysis shows that the features of the judicial and investigative dualism of magistrate's court have rarely become the subject of research interest of Russian scholars. The article discusses the main motives for combining judicial and investigative functions. Three main reasons for that are identified: the need to optimize public spending in the implementation of judicial reform; the need to bring the magistrate's court closer to the local population; the need to optimize judicial activities. The author makes an overview of the general chronology of the legislative consolidation of this feature in the remote regions of the Russian Empire and offers a classification of models for the implementation of judicial and investigative functions by magistrates, in which differences between regions are highlighted in relation to the distribution of these powers. Referring to Arkhangelsk Governorate as an example, the author considers in detail the evolution of the views and assessments given by the leaders of the Ministry of Justice and local representatives of the judicial department to the effectiveness of the abovementioned model of magistrate's court. It is noted that the attitude towards the judicial and investigative functions of magistrate's court changed from the unconditional acceptance of this measure to the categorical denial of its benefits for local justice. The article characterizes the features of the legal status of magistrates in Arkhangelsk Governorate. It is noted that the jurisdiction of magistrate's court was generally similar to the model of the Transcaucasian magistrate's court. On the basis of archival materials, including the data on the effectiveness of the magistrate's court activities in Arkhangelsk Governorate, it is assumed that there were no adequate and timely measures to strengthen the staff of local magistrate's courts. It is concluded that the

experience of functioning of the judicial and investigative model of magistrate's court in Arkhangelsk Governorate as a whole can be considered unsuccessful.

Keywords: judicial reform, magistrate's court, judicial and investigative justice, judicial charters, Arkhangelsk Governorate

For citation: Minchuk, O.V. "Judicial and Investigative Functions of Magistrate's Court of the Russian Empire in the late 19th – early 20th Century (Based on the Materials from Arkhangelsk Governorate): Projects, Practice of Implementation, Contradictions." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 3 (2024): 827–65, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-3-3>; EDN: TWMDMU

Введение

Изучение института мировой юстиции на сегодняшний день является одной из востребованных тем в отечественных историко-правовых и исторических исследованиях¹. Во многом это связано с особым историческим развитием данного судебного института в России (создание в рамках судебной реформы Александра II и «возрождение» в России в начале 90-х годов XX в.) и со специфичностью его теоретико-правовой сущности.

Современными исследователями отмечается, что концептуальные задачи судебной реформы 1864 года в некоторой степени совпадают с задачами нынешних российских преобразований в судебной сфере². В отечественной историко-правовой науке существует тенденция на проведение сравнительных исследований³, в том числе, в рамках методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения⁴, значительная часть

¹ Илюхина В.А., Илюхин А.В. Идея мирового суда в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII – первая половина 60-х гг. XIX в.). Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021; Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика / под редакцией Л.В. Головки и др. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019; Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под редакцией А.Д. Поповой, С.В. Лонской. Москва: Проспект, 2016.

² Илюхина В.А., Илюхин А.В. Идея мирового суда в России.

³ Демичев А.А. и др. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии. Москва: Русайнс, 2021; Попова А.Д. Фемида в эпоху великих преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. Москва: Новый хронограф, 2009; Черепанов С.И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородская академия МВД России, 2018.

⁴ Большакова В.М. Философские основания применения методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной

которых базируется на историческом материале. В таких работах мировой суд выступает одним из классических объектов сравнения⁵.

Стоит отметить, что научные труды, посвященные дореволюционной истории мировой юстиции, являются неотъемлемой частью историографии судебной реформы 1864 г. Исследователи в основном концентрируют свое внимание на общих вопросах введения этого института в Российской империи⁶, правовом статусе мировых судей, в том числе, на его территориальной дифференциации, а также на кадровом составе судейского корпуса.

Множество работ посвящено региональным аспектам введения данного судебного института и практике его деятельности⁷. Историки и правоведы изучают цензовые особенности, юрисдикцию мирового суда, механизм утверждения в должности, правоприменительную практику. Наибольший интерес исследователей вызывает сущность мировой юстиции и применимость (адаптивность) ее в отечественном правовом и социокультурном пространстве.

Проблематика же судебно-следственного дуализма мирового суда в научных трудах не получила должного развития. Зачастую учеными лишь констатируется наличие данной особенности. В работах С.В. Лонской, одного

конференции (Нижний Новгород, 17 ноября 2021 г.) / под редакцией А.А. Демичева, К.А. Демичева. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. С. 44–51.

⁵ *Илюхин А.В.* Суд присяжных и мировой суд как классические хронодискретные судебные институты в России: к вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции (Нижний Новгород, 17 ноября 2021 г.) / под редакцией А.А. Демичева, К.А. Демичева. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. С. 91–101.

⁶ *Джиджавадзе Л.Г.* Институт мировых судей в России: история и современность. Ярославль: Филигрань, 2022; *Илюхина В.А.* Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX в. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012.

⁷ *Киселева А.В.* Особенности судопроизводства в окружном и мировом судах Нижегородской губернии при проведении судебной реформы 1864 г. // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 3 (61). С. 69–77; *Зайцева С.В.* История становления и функционирования мирового суда в период 1864–1917 гг. (на примере Курского края): дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный технический университет, 2009; *Виноградов В.В.* Мировой суд в Российской Империи в 1864–1889 гг. (на примере Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2010; *Минчук О.В.* Мировой суд Архангельской губернии (1889–1896 гг.): особенности организационно-правового статуса и кадрового состава // Мировой судья. 2013. № 3. С. 27–30 и др.

из главных специалистов по мировой юстиции в России, судебно-следственная специфика упоминается как один из элементов правового статуса мировых судей Российской империи, но не раскрываются детали генезиса и практической реализации данного феномена⁸. Рассматриваемая особенность дореволюционной мировой юстиции обозначается в работах В.М. Большаковой⁹, А.В. Илюхина, В.А. Илюхиной¹⁰, В.М. Деревсковой¹¹, А.Д. Поповой¹², но также не является в них главным предметом изучения.

В публикациях одного из ведущих исследователей сибирского суда Е.А. Крестьянникова поднимается вопрос о противоречивости судебно-следственной модели мировой юстиции, получившей воплощение на окраинах Российской империи, в частности, в Сибирских областях. Опыт деятельности мировых судей, выступавших в нескольких процессуальных ролях, оценивается им отрицательно. Е.А. Крестьянников пишет, что

объединение судебных и следовательских функций при осуществлении в Сибири сделало непроизводительной деятельность местной мировой юстиции...¹³

Ученый одним из первых в современной историографии объективизировал рассматриваемый феномен и сделал попытку его научного осмысления.

Таким образом, по нашему мнению, вопрос о судебно-следственных функциях мировых судей Российской империи является недостаточно раскрытым с точки зрения их возникновения, содержания и практики реализации, в том числе в различных губерниях и областях государства.

Основная часть

В целом модель мировой юстиции, характерной чертой которой являлось сочетание судебных и следственных функций, в рамках судебных

⁸ Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2016.

⁹ Большакова В.М. Сравнительно-правовой анализ института мировых судей в Российской империи и Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 7А. С. 7–17.

¹⁰ Илюхина В.А., Илюхин А.В. Идея мирового суда в России. С. 4.

¹¹ Деревскова В.М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века. Иркутск: Арт-Пресс, 2004. С. 254.

¹² Попова А.Д. Фемида в эпоху великих преобразований.

¹³ Krest'iannikov E.A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde Russe. 2017. Vol. 58, no. 4. P. 555–588.

преобразований второй половины XIX в. создавалась исключительно на «окраинах» Российской империи. Процесс реализации судебной реформы 1864 г. и распространения действия судебных уставов Александра II шел более тридцати лет, в течение которых ряд принципов и форм судоустройства и судопроизводства были подвергнуты изменениям. Факторами данных трансформаций служили как противоречивые тенденции политического курса (в историографической традиции принято идентифицировать их как проявление контрреформы), так и накапливаемый практический опыт функционирования новой системы правосудия, который выявлял слабые места реформированной судебной системы и процессуальных институтов.

Регионами Российской империи, в которых были созданы мировые судебные установления с судебными и следственными полномочиями, являлись Кавказ, Архангельская губерния, области и губернии Сибири, Черноморская губерния, Туркестанский край и Степные области¹⁴.

Пилотным регионом судебно-следственного эксперимента стало Закавказье. В 1866 г. было утверждено «Положение о применении Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в Закавказском крае»¹⁵. Согласно этому документу обязанности судебных следователей возлагались как на мировых судей, так и на их помощников (ст. 5). При дальнейшем распространении судебной реформы данная норма была введена на всем Кавказе (Северный Кавказ) за исключением Закаспийской области¹⁶, где изменения произвели только в 1899 г.¹⁷

В 1886 г. было введено «Положение об управлении Туркестанского края», содержавшее правило, согласно которому производство следствия должны были осуществлять помощники мировых судей и судебные следователи, а в уездах, где не было помощников, – мировые судьи¹⁸. В 1888 г. в Архангельской губернии приступили к реализации «Временных правил об устройстве мировых

¹⁴ Объяснительная записка по проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. II. Ч. I. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1900. С. 25.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881) (далее – ПСЗ-II). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. Т. 41. 1866, № 43880. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913) (далее – ПСЗ-III). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1886. Т. 3. 1883, № 1522. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

¹⁷ ПСЗ-III. Т. 19. 1899, № 16490. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

¹⁸ ПСЗ-III. Т. 6. 1886, № 3814. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

судебных установлений и следственной части в Архангельской губернии» (далее – «Временные правила 1888 года»), объединивших в деятельности мирового судьи судебный и следственный функционал¹⁹. В 1896 г. в областях и губерниях Сибири на участковых и добавочных мировых судей были возложены обязанности судебных следователей²⁰. А в 1898 г. в Степных областях (Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской) участковым и добавочным мировым судьям вменили в обязанность выполнять функционал участковых судебных следователей²¹.

Среди мотивов объединения судебных и следственных функций, которыми руководствовалось Министерство юстиции, можно выделить следующие:

– Возможность более близкого знакомства судьи с местным населением за счет постоянных разъездов по территории мирового участка при выполнении следственных функций.

– Возможность увеличения числа следственных участков без увеличения расходов государственного бюджета. (Мотив минимизации расходов на удаленные административно-территориальные единицы империи, с точки зрения Е.А. Крестьянникова, являлся одним из главных при учреждении судебно-следственной юстиции²²).

– Возможность оптимизации исполнения процессуальных функций за счет схожести в сущности деятельности мирового судьи и судебного следователя:

В пределах исследования следователь в сущности есть тот же уголовный судья, только сошедший со своего судейского кресла...²³

Данные мотивы в 1900 г. были обобщены в «Объяснительной записке по проекту новой редакции учреждения судебных установлений» (далее – Объяснительная записка 1900 г.), но они прослеживаются и в предыдущие

¹⁹ ПСЗ-III. Т. 8. 1888, № 5630. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

²⁰ ПСЗ-III. Т. 16. 1896, № 12932. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

²¹ ПСЗ-III. Т. 18. 1898, № 15493. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

²² *Krest'iannikov E.A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri.*

²³ Объяснительная записка по проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Том II. Часть I. С. 27.

периоды, когда мировая юстиция вводилась отдельно от общих судебных установлений.

Стоит отметить, что в ходе воплощения на практике в указанных выше местностях Российской империи судебно-следственная модель приобретала определенные различия. Оговоримся, что, возможно, они были обусловлены огрехами в юридической технике, допущенными законодателем, но, тем не менее, очевидны.

Можно выделить несколько групп регионов в зависимости от распределения судебно-следственных функций: 1) местности, где указанные полномочия были исключительно у мировых судей; 2) местности, где их выполняли в том числе помощники мировых судей; 3) местности, где судебные следователи имелись в штате.

В приведенной классификации присутствует определенная условность, поскольку с течением времени штатные должности судебных следователей начали вводить в отдельных губерниях (например, в Архангельской) и, конечно, законодателем не допускалось прямого запрета на данную процессуальную фигуру. Нормы Учреждения судебных установлений и Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) при этом не отменялись. Но на момент учреждения мирового суда в той или иной местности правовые конструкции, позволяющие провести данную классификацию, были закреплены. Соответственно, к первой группе можно отнести только Архангельскую губернию, ко второй – Кавказ, Степные области, Сибирь, к третьей – Туркестанский край и Закаспийскую область.

Авторы Объяснительной записки 1900 г. выделяли и другие отличия. Так, отмечалось, что в Архангельской губернии было принято правило о полном и безусловном соединении в руках мирового судьи судебных и следственных функций. В Сибири было закреплено определенное изъятие, которое заключалось в том, что в городах, где имелось несколько мировых судей, допускалась возможность перераспределения между ними данных полномочий на основании санкции общего собрания окружного суда. В Туркестане, Степных и Закаспийской областях было предусмотрено аналогичное правило, но распространялось оно не только на города, но и на другие местности²⁴.

Кавказская модель мировой юстиции, как и архангельская, де-юре не предполагала подобного перераспределения полномочий, но де-факто такие случаи встречались. В своем исследовании В.М. Деревскова приводит пример Тифлисской губернии. Неудовлетворенность судебно-следственной моделью

²⁴ Объяснительная записка по проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Том II. Часть I. С. 30.

мирового суда и отсутствием помощи Министерства юстиции подтолкнули председателя местной судебной палаты издать специальный циркуляр, согласно которому следственные полномочия возлагались на помощников мировых судей, а сами мировые судьи выполняли исключительно судебные функции²⁵.

Таким образом, к моменту завершения судебной реформы в Российской империи сложилась разнородная практика нормативного регулирования судебно-следственной модели мировой юстиции. Поскольку данный эксперимент охватил большую часть «окраинных» местностей, представляется важным изучение исторического контекста и особенностей модели в конкретных регионах.

В данной статье обратимся к опыту Архангельской губернии. Во «Всеподданнейшем отчете о состоянии Архангельской губернии за 1909 год» архангельский губернатор И.В. Сосновский после упоминания об открытии суда присяжных в губернии отмечал следующее:

На ближайшую очередь выдвигается теперь вопрос о введении в губернии самостоятельных судебных следователей, обязанности которых исполняются здесь до сих пор, к немалому ущербу для дела, мировыми судьями²⁶.

Критическое отношение к местной юстиции и конкретно к указанной проблеме нашло свое отражение и в периодической печати города Архангельска. В одноименной общественно-политической газете отмечалось, что

и мировая юстиция, и следственная часть в Архангельской губернии обставлены из рук вон плохо <...> причины этого печального явления заключаются не только в личных качествах местных мировых судей, бытовых условиях и слабости полицейского розыска, но и в ненормальном соединении в одном лице судьи и следователя²⁷.

Подобные факты проявления скептического отношения к обозначенной особенности судоустройства губернии, как со стороны официальной власти, так и со стороны авторов относительно независимого издания (газета издавалась

²⁵ Деревскова В. М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири. С. 254.

²⁶ Архангельский губернатор Сосновский. Всеподданнейший отчет о состоянии Архангельской губернии за 1909 год. Архангельск: [б. и.], 1911. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_1891484 (дата обращения: 29.03.2023).

²⁷ Местная юстиция // Архангельск. 1909 (26 мая). С. 1.

представителями партии кадетов), можно расценивать как своеобразный маркер положения мирового суда в Архангельской губернии на тот момент. В то же время для реконструкции объективной картины состояния местной мировой юстиции необходимо обратиться к более детальному изучению исторического контекста рассматриваемого явления и объективным данным его функционирования.

Процесс реализации судебной реформы Александра II в Архангельской губернии осуществлялся по специфичному сценарию. Как и на большей части окраинных территорий Российской империи, он затянулся на долгие годы, при этом конфигурация судебных институтов здесь имела свои особенности, а некоторые процессуальные нормы УУС и Устава гражданского судопроизводства характеризовались определенными изъятиями²⁸.

Подготовка к проведению судебной реформы в Архангельской губернии шла в несколько этапов. С 1861 по 1862 г. было проведено обсуждение «Основных положений преобразования судебной части в России». Представители судебного ведомства направили в комиссию свои отзывы на упомянутый текст, которые содержали рассуждения о применимости отдельных судебных институтов в местных условиях²⁹. Вопрос объединения судебных и следственных функций у мирового судьи в этих отзывах не поднимался, что коррелировало с общим на тот момент подходом – «решительным отвержением» возможности наделения мировых судей дополнительными обязанностями³⁰.

В период с 1864 по 1866 г. проходил сбор судебно-статистических сведений и выработка конкретных предложений о введении судебных уставов в Архангельской губернии, но ни в проектах местных чиновников, ни в Министерстве юстиции судебно-следственная проблематика опять же не поднималась. С 1866 г. центральными властями был взят курс на отсрочку проведения судебных преобразований в Архангельской губернии, поэтому

²⁸ Минчук О.В. Особенности уголовного судопроизводства в мировых судах Архангельской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2531–2535.

²⁹ Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 21, ч. 1. Замечания о развитии основных положений преобразования Судебной части в России. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1891. URL: <https://www.prlib.ru/item/343145> (дата обращения: 29.03.2023).

³⁰ *Krest'iannikov E.A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri.*

решение о частичном улучшении местного судебного ведомства было выработано только в начале 1880-х гг.³¹

В 1886 г. Архангельский губернский прокурор М.М. Кониар представил в Министерство юстиции проект местных судебных преобразований. Существенное внимание в нем было уделено состоянию следственной части и целесообразности соединения должностей судебного следователя и мирового судьи при введении данного судебного института.

Основной проблемой действовавшей системы судебных органов на местах автор проекта считал неравномерное распределение нагрузки в уездных судах. Несмотря на то, что в среднем в месяц разбиралось от 18 до 25 уголовных и гражданских дел, бóльшая их часть решалась медленно. При этом основная работа концентрировалась в руках следователей, поскольку производство уголовных дел шло через формальное следствие, подразумевавшее личное пребывание следователя на месте совершения проступка, подробный допрос свидетелей и сторон, привод первых из них к присяге, очные ставки между лицами, давшими разноречивые показания, составление целого ряда постановлений, а также осуществление других формальностей³².

Работа следователя осложнялась огромными расстояниями, которые приходилось преодолевать по «первобытным» путям сообщения Архангельской губернии. Дополнительно к этому губернский прокурор отмечал бесполезность деятельности уездного суда, так как работа коллегии судей сводилась к оценке и изучению документов, составленных следователем. При этом приговор выносился не на основании «личного впечатления по делу», а «по более или менее удачному или неудачному составленному протоколу»³³.

С точки зрения М.М. Кониара, объединение в одной должности функционала мирового судьи и следователя для Архангельской губернии было не только желательным в аспекте экономии государственных средств, но и обуславливалось особыми местными условиями³⁴. Чиновник также писал о том, что

³¹ Министерство юстиции за сто лет: 1802–1902: исторический очерк / составитель П.Н. Гуссаковский. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. С. 153.

³² Проект реформы организации мировых учреждений Архангельской губернии 1886 г. (Черновой проект реформы организации мировых судебных учреждений Архангельской губернии, составленный губернским прокурором) // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 70. Оп. 2. Д. 62. Л. 2 об.–3.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 6.

следователями как правило состоят молодые люди с небольшим опытом, приезжающие на службу в Архангельскую губернию лишь для того, чтобы, научившись кое-чему, в ущерб местному правосудию перейти при первой же возможности на службу по новым судебным установлениям³⁵.

От данной особенности страдало качество производимых процессуальных действий и снижался авторитет следователей среди местного населения и полиции. При производстве следствий мировыми судьями, по мнению М.М. Корниара, таких проблем не возникало бы из-за более высокого статуса судьи³⁶.

Вместе с тем губернский прокурор в своем проекте предлагал при введении мировой юстиции оставить одну должность следователя в Архангельске, так как в губернском городе возникало большее количество дел по сравнению с уездами³⁷.

В «соображениях» Министра юстиции по вопросу реформирования судебной части в Архангельской губернии вопрос о соединении следственной и судебной функции был охарактеризован как целесообразный и осуществимый³⁸. Примечательно, что закавказский прецедент был одним из аргументов одобрения реализации данной меры³⁹.

Серьезные структурные изменения в судебном устройстве Архангельской губернии относятся к 1889 и 1896 гг. В 1889 г. были введены мировые суды отдельно от общих⁴⁰. В 1896 г. был создан Окружной суд⁴¹. Данным трансформациям предшествовало принятие различных переходных мер. Интересным фактом является то, что первый мировой судья появился в Архангельской губернии еще до 1889 г., когда в 1886 г. ввели должности временного мирового судьи и его помощника для разбора дел на Мурманском

³⁵ Проект реформы организации мировых учреждений Архангельской губернии 1886 г. (Черновой проект реформы организации мировых судебных учреждений Архангельской губернии, составленный губернским прокурором) // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 70. Оп. 2. Д. 62. Л. 8.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 9.

³⁸ Изложение дела о введении мировых судебных установлений в Архангельской губернии (Дело о введении в Архангельской губернии судебных мировых учреждений) // ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 538. Л. 34 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСЗ-III. Т. 8. 1888, № 5630. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

⁴¹ ПСЗ-III. Т. 16. 1896, № 12483. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023.)

береге во время навигации⁴². Юрисдикция временного мирового судьи была расширена. В трансформации Архангельского судебного устройства использовалась модель закавказского мирового суда.

Мотивы проведения такого эксперимента заключались в необходимости осуществления оперативного судопроизводства на отдаленных территориях губернии во время навигации, так как в этот период там возникало большое количество уголовных и гражданских дел в связи с конфликтами между промысловиками и местным населением. Механизм воплощения заключался в следующем: палатой уголовного и гражданского суда перед началом навигации в отдаленные районы на побережье командировались один из ее членов в качестве мирового судьи и временный следователь, исполнявший функции его помощника⁴³.

На следующем этапе институт мировой юстиции был введен уже на всей территории Архангельской губернии. Интересно, что юрисдикция его была аналогична юрисдикции временного мирового судьи Мурманского берега. Министр юстиции при работе над проектом преобразования 1888 г. посчитал

наиболее правильным, подобно тому, как это уже допущено относительно мировой юрисдикции на Мурмане, несколько расширить для всех вообще мировых судебных учреждений в Архангельской губернии общеустановленную подсудность...⁴⁴

Тем не менее именно во «Временных правилах 1888 года» впервые была узаконена норма соединения судебных и следственных полномочий у мирового судьи. В ст. 13 указывалось, что на мировых судей возлагается производство следствий по уголовным делам, подсудным в первой инстанции суда Архангельской палате уголовного и гражданского суда⁴⁵.

В дальнейшем в ст. 8 «Временных правил об устройстве судебной части и о порядке производства в судебных делах в Архангельской губернии» от 29 января 1896 г. данная норма была воспроизведена с небольшим дополнением. Обязанности судебных следователей возлагались как на

⁴² ПСЗ-III. Т. 6. 1886, № 3804. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

⁴³ ПСЗ-III. Т. 6. 1886, № 3804. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

⁴⁴ Изложение дела о введении мировых судебных установлений в Архангельской губернии (Дело о введении в Архангельской губернии судебных мировых учреждений) // ГААО. Ф. 1. Оп 8. Т. 2. Д. 538. Л. 36 об.

⁴⁵ Там же.

участковых, так и на добавочных мировых судей⁴⁶. При этом во «Временных правилах 1888 года» содержалась статья, указывающая на условия, при которых добавочные мировые судьи должны были исполнять обязанности участковых (отсылка на УСУ), а во «Временных правилах 1896 года» такой статьи не было. Представляется, что корректировки 1896 г. были скорее отражением несовершенства юридической техники законодателя, нежели попыткой наделить добавочных мировых судей следственными полномочиями в момент, когда они не осуществляли функций участкового мирового судьи.

Стоит выделить еще одно отличие судебно-следственной модели мирового суда Архангельской губернии варианта 1889 г. от ее варианта 1896 г. Мировые судьи с 1889 по 1896 г. производили следствие по «Законам о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках изд. 1876 года» (далее – «Законы о судопроизводстве») (ст. 13)⁴⁷, а с 1896 г. – уже по УУС (преамбула)⁴⁸. Иными словами, была осуществлена смена процессуальных правил, используемых при производстве следствий. Эта мера отменяла «процессуальный дуализм» в деятельности мировых судей, возникший после 1889 г., когда по делам, подлежащим юрисдикции мировой юстиции, они руководствовались новым законодательством, а при производстве следствий – старым. До этого коллизии в правоприменительной практике возникали, например, в случаях, когда мировые судьи производили следствия, руководствуясь «Законами о судопроизводстве», по делам, в которых не было признаков преступления, тем самым совершая по сути бесполезную работу⁴⁹.

Вопрос об эффективности соединения судебных и следственных функций у мировых судей был поднят уже в самом начале деятельности мировых судов. В докладе Министру юстиции «О деятельности мировых судей Архангельской губернии по уголовным делам» от 3 декабря 1891 г. архангельский губернский прокурор характеризовал данное соединение как не вызывающее «на практике особых неудобств»⁵⁰. Исключение составлял город Архангельск. В губернском центре дел возникало больше, чем в уездах, поэтому прокурор еще в 1890 г.

⁴⁶ ПСЗ-III. Т. 16. 1896, № 12483. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

⁴⁷ ПСЗ-III. Т. 8. 1888, № 5630. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

⁴⁸ ПСЗ-III. Т. 16. 1896, № 12483. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.03.2023).

⁴⁹ Доклад о деятельности Мировых Судей Архангельской губернии по уголовным делам (Отчет о деятельности мировых судей Архангельской губернии по уголовным делам) // ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 4. Л. 3.

⁵⁰ Там же.

ходатайствовал об учреждении в нем особой должности судебного следователя⁵¹.

В 1898–1899 гг. Министерством юстиции, в рамках работы комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, была проведена ревизия делопроизводства мировых судей Архангельской губернии. Выводы были представлены в отчете В.Н. Семенова⁵². Соединение следственных и судебных функций в целом было оценено положительно. По словам автора отчета, местные мировые судьи заранее распределяли свои дела в зависимости от погодных условий и состояния путей сообщения. Была распространена практика временного и территориального согласования проведения следствий и судебных разбирательств. В отчете также сообщалось, что население привыкло к периодическим выездам судьи. В качестве преимущества новой системы указывался и подвижный характер суда, что было удобно для жителей⁵³.

Несмотря на ряд преимуществ новой системы в последующие годы проблема судебно-следственного дуализма мировых судей в Архангельской губернии начала обостряться. Как уже отмечалось выше, к концу 1909 г. она была очевидна и руководству губернии, и общественности. За десятилетие с момента проведения министерской ревизии в Архангельской губернии значительно изменилась нагрузка на местную мировую юстицию. Так, в 1898 г. мировыми судьями в качестве суда первой инстанции разбиралось 2 223 дела⁵⁴, следственных дел было открыто 656⁵⁵. В 1909 г. велось производство по 5 015 уголовным делам⁵⁶ и по 1 044 следственным⁵⁷. На лицо был факт увеличения нагрузки практически в два раза, причем как по судебным, так и по

⁵¹ Доклад о деятельности Мировых Судей Архангельской губернии по уголовным делам (Отчет о деятельности мировых судей Архангельской губернии по уголовным делам) // ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 4. Л. 3.

⁵² Объяснительная записка по проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Том II. Часть I. С. 27.

⁵³ Объяснительная записка по проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Том II. Часть I. С. 27.

⁵⁴ Сводная ведомость (Наряд Архангельского Окружного суда по канцелярии Председателя сведений, представляемые старшему председателю Московской Судебной палаты в Министерство Юстиции и Архангельскому губернатору за 1898 г. о количестве преступлений и движении дел) // ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 85. Л. 33.

⁵⁵ Ведомость о движении следственных дел (Ведомость о движении дел в следственных участках округа Архангельского окружного суда за 1898 год) // ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 210. Л. 68.

⁵⁶ Ведомость о движении уголовных дел // ГААО. Ф. 69. Оп. 9. Д. 499. Л. 32.

⁵⁷ Ведомость о движении следственных дел (Годовой отчет за 1909 год) // ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1564. Л. 108.

следственным полномочиям. При этом за все время существования мировых судебных установлений в Архангельской губернии количество участковых мировых судей практически не менялось. При их введении в 1889 г. было утверждено 20 должностей мировых судей и 2 добавочных, а в 1891 г. в городе Архангельске ввели еще одну должность участкового мирового судьи. Соответственно, один из главных аргументов соединения судебно-следственных функций – малое количество возникающих дел – с начала XX в. фактически потерял свою актуальность. Мировой юстиции Архангельской губернии требовалось срочное усиление штатов. В 1911 г. такое усиление произошло – в городе Архангельске была введена должность судебного следователя.

8 марта 1917 г. состоялось заседание Архангельского окружного суда в общем собрании отделений. На нем рассматривался доклад Председателя С.Н. Городецкого по вопросу об увеличении состава следственной и мировой юстиции в городе Архангельске и Архангельском уезде⁵⁸. Отмечалось, что в июне 1914 г. и в апреле 1916 г. в Министерство юстиции Российской империи направлялись ходатайства о разделении в округе Архангельского окружного суда следственных и судебных функций у мировых судей. Судебно-следственный дуализм мировой юстиции в Архангельской губернии, по мнению С.Н. Городецкого, негативно сказывался на судопроизводстве. «Чрезвычайно редки мировые судьи, у которых бы и следственные, и мировые дела шли одинаково хорошо»⁵⁹, – отмечал председатель Окружного суда. Особенно заметно это сказывалось на работе в отдаленных местах, где судьям приходилось часто совершать поездки за «сотни верст»⁶⁰.

Интересным представляется вывод о последствиях процессуального характера. С.Н. Городецкий указывал, что мировой судья при желании мог почти каждое следственное дело изъять из наблюдения прокурорского надзора, переведя его в мировую подсудность, что в случае опротестования приговора прокурором в свою очередь могло повлечь дополнительные следственные действия⁶¹.

В 1914 г. для решения этой проблемы предлагалось учредить 14 должностей судебных следователей: по одному для города Архангельска и для Архангельского, Холмогорского, Пинежского, Онежского и Александровского

⁵⁸ Определение Архангельского окружного суда от 20 мая 1917 года (Отчеты председателя Архангельского окружного суда по обозрению делопроизводства мировых судей за 1917 год) // ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 87. Л. 7.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 7 об.

уездов и по два для Шенкурского, Мезенского, Печорского и Кемского уездов, не считая судебного следователя по важным делам. Также для разрешения дел мировой подсудности было предложено оставить 16 мировых судей из 21, действовавших на тот момент⁶².

Ходатайства 1914 и 1916 гг. были принципиально одобрены Министерством юстиции, но в связи с началом войны их реализация была приостановлена, поскольку все невоенные расходы сократили до минимума⁶³. Единственным исключением стало введение в сентябре 1916 г. для района Мурманской железной дороги двух должностей судебных следователей, одной – мирового судьи и двух – товарищей прокурора⁶⁴.

В рассматриваемом докладе С.Н. Городецкий настаивал на осуществлении проекта 1914 года, но в его усеченном варианте – исключительно на территории города Архангельска и Архангельского уезда. Принятие этих мер виделось ему «неотложно необходимым»⁶⁵, поскольку Архангельск с прилегающим к нему уездом занимал важное стратегическое место и являлся местным «районом театра боевых действий»⁶⁶. Обострила ситуацию катастрофа, случившаяся 26 октября 1916 г. в порту Бакарица, который на тот момент был основным по обработке военных грузов, приходивших в Архангельск⁶⁷. На пароходе «Барон Дризен», прибывшем накануне из Нью-Йорка, произошло несколько мощных взрывов. По мнению местных исследователей, это была крупнейшая техногенная катастрофа в истории Архангельска⁶⁸. По некоторым данным, погибло 650 человек, было ранено 839 (в других источниках – 1166)⁶⁹. Практически полностью были уничтожены несколько причалов.

⁶² Определение Архангельского окружного суда от 20 мая 1917 года (Отчеты председателя Архангельского окружного суда по обозрению делопроизводства мировых судей за 1917 год). // ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 87. Л. 5 об.

⁶³ Там же. Л. 7 об.

⁶⁴ Там же. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 7 об.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Чухина А.А. Взрывы в порту Бакарица и оборона Архангельска в годы Первой мировой войны // Всероссийский форум молодых исследователей: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск, 30 августа 2021 г.) / под редакцией И.И. Ивановской. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 60.

⁶⁸ Варфоломеев Л.А. Трагедия на Бакарице // Известия Русского Севера. 2012. № 2 (14). С. 31–35.

⁶⁹ Архангельская областная летопись (с древнейших времен до наших дней) / составитель Н.А. Шумилов. Архангельск: Агентство по делам архивов Архангельской области, 2014.

С.Н. Городецкий отмечал, что трагедия на Бакарице потребовала от следственной власти огромной напряженной работы, но при Окружном суде был всего один судебный следователь⁷⁰. Председатель указывал на угрозу возможных повторных инцидентов и диверсий. В качестве проекта преобразования следственной части было выдвинуто предложение об учреждении двух должностей следователей в Архангельске и двух – в Архангельском уезде. Также предлагалось переименовать существующую должность судебного следователя в судебного следователя по важнейшим делам, упразднить должности двух добавочных мировых судей и перераспределить нагрузку у трех имевшихся участковых мировых судей⁷¹. Из-за последовавших событий октября 1917 г. и начала Гражданской войны предложения председателя Архангельского окружного суда реализованы не были.

Заключение

Подводя итог, отметим, что судебно-следственные функции мировых судей, характерные для ряда окраинных местностей Российской империи, стали результатом определенного компромисса между необходимостью введения нового судоустройства и местными, прежде всего географическими, особенностями губерний и областей. Основными мотивами соединения полномочий были следующие: оптимизация государственных расходов при реализации судебной реформы; приближение мирового суда к населению местностей; повышение эффективности судопроизводственной деятельности.

Опыт функционирования данной модели мирового суда в Архангельской губернии в рассматриваемом аспекте можно признать неудачным, но стоит оговориться, что обусловлено это было отсутствием адекватных и своевременных мер по усилению штатов местной мировой юстиции и просчетами в администрировании судебного ведомства. Официальная кадровая и судебная политика не поспевала за увеличением судопроизводственной нагрузки мировых судей Архангельской губернии. Следовательно, оценивать эффективность реализации судебно-следственных функций мировых судов возможно только относительно конкретного исторического этапа развития губернии и выявления влияния экономических и демографических процессов на количественную и качественную стороны судопроизводства.

⁷⁰ Определение Архангельского окружного суда от 20 мая 1917 года (Отчеты председателя Архангельского окружного суда по обозрению делопроизводства мировых судей за 1917 год) // ГААО. Ф. 69. Оп. 20. Д. 87. Л. 8.

⁷¹ Там же. Л. 8 об.–9.

Introduction

The study of the institution of magistrates is currently one of the most popular topics in Russian legal and historical research.¹ This is largely due to the special historical development of this judicial institution in Russia (its appearance within the framework of the judicial reform of Alexander II and revival in Russia in the early 1990s) and specific features of its theoretical and legal essence.

Modern researchers note that the conceptual tasks of the judicial reform of 1864 coincide to some extent with the tasks of the current Russian transformations in the judicial sphere.² There is a tendency in Russian historical and legal science to conduct comparative research,³ among other things, within the framework of the methodology of chrono-discrete mono-geographic comparative jurisprudence,⁴ a significant part of which is based on historical material. In such works, the magistrate's court acts as one of the classic objects of comparison.⁵

¹ V.A. Ilyukhina, and A.V. Ilyukhin, *The Idea of the Magistrate's Court in Russia: Genesis, Evolution, Legislative Implementation (Second Half of the 18th – First Half of the 1860s)* [in Russian] (Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021); L.V. Golovko et al., eds., *The Institution of the Magistrate: History, Theory, Legislation, Practice* [in Russian] (Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2019); A.D. Popova, and S.V. Lonskaya, eds., *Magistrate Justice in Russia: Creation, Activities, Historical Mission* [in Russian] (Moscow: Prospekt, 2016).

² Ilyukhina, and Ilyukhin, *The Idea of the Magistrate's Court in Russia*.

³ A.A. Demichev et al., *Chrono-Discrete Mono-Geographical Comparative Jurisprudence: Problems of Methodology* [in Russian] (Moscow: Rusains, 2021); A.D. Popova, *Themis in the Era of Great Transformations: Judicial Reforms in 1864 and at the Turn of the 21st Century in the Context of Modernization* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf, 2009); S.I. Cherepanov, "Comparative Legal Study of the Institute of Sworn Attorneys in the Russian Empire according to the Judicial Reform of 1864 and the Institution of Advocateship in the Russian Federation" [in Russian] (PhD thesis, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018).

⁴ V.M. Bol'shakova, "Philosophical Foundations for the Application of the Methodology of Chrono-Discrete Mono-Geographic Comparative Jurisprudence" [in Russian], in *Current Problems and Prospects for the Development of the Scientific School of Chrono-Discrete Mono-Geographic Comparative Jurisprudence: A Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the Second All-Russian Scientific Conference (Nizhny Novgorod, November 17, 2021)*, ed. A.A. Demichev, and K.A. Demichev (Nizhnii Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021), 44–51.

⁵ A.V. Ilyukhin, "The Jury and the Magistrate's Court as Classic Chrono-Discrete Judicial Institutions in Russia: More on the Subject of Chrono-Discrete Mono-Geographic Comparative Jurisprudence" [in Russian], in *Current Problems and Prospects for the Development of the Scientific School of Chrono-Discrete Mono-Geographic Comparative Jurisprudence: A Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the Second All-Russian Scientific Conference (Nizhny Novgorod, November 17, 2021)*, ed. A.A. Demichev, and K.A. Demichev (Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021), 91–101.

It is worth noting that scientific works devoted to the pre-revolutionary history of magistrate justice are an integral part of the historiography of the judicial reform of 1864. Researchers mainly focus on the general issues of the introduction of this institution in the Russian Empire,⁶ the legal status of magistrates including its territorial differentiation as well as the personnel of the judicial corps.

Many works are devoted to the regional aspects of the introduction of this judicial institution and the practice of its activities.⁷ Historians and legal scholars study qualification features, the jurisdiction of the magistrate's court, the mechanism of confirmation in office, and law enforcement practices. Of great interest are the essence of magistrate justice and its applicability (adaptability) in the domestic legal and socio-cultural space.

The problems of the judicial and investigative dualism of the magistrate's court have not been considered in scholarly works in sufficient depth. Often, scientists only state the presence of this feature. In the works by S. Lonskaya, one of the main experts on magistrate justice in Russia, judicial and investigative features are mentioned as one of the elements of the legal status of magistrates in the Russian Empire, but the genesis and practical implementation of this phenomenon are not described in detail.⁸ The feature of pre-revolutionary magistrate justice under consideration is mentioned in the works of V. Bol'shakova,⁹ A. Ilyukhin,

⁶ L.G. Dzhidzhavadze, *The Institution of Magistrates in Russia: History and Modernity* [in Russian] (Yaroslavl: Filigran', 2022); V.A. Ilyukhina, "Evolution of the Idea of the Magistrate's Court in Russia in the Second Half of the 18th – First Half of the 1860s (Historical and Legal Research)" [in Russian] (PhD diss., Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2012).

⁷ A.V. Kiseleva, "Specific Features of Legal Proceedings in the District and Magistrate's Courts of Nizhny Novgorod Governorate during the Judicial Reform of 1864" [in Russian], *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya*, no. 3 (61) (2021): 69–77; S.V. Zaitseva, "History of Making and Functioning of the Magistrate's Court in the Period between 1864 and 1917 (A Case-Study of the Kursk Land)" [in Russian] (PhD diss., Kursk State Technical University, 2009); V.V. Vinogradov, "Magistrate's Court in the Russian Empire in 1864–1889 (A Case-Study of Kaluga Governorate)" [in Russian] (PhD thesis, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2010); O.V. Minchuk, "Magistrate's Court of Arkhangelsk Governorate (1889–1896): Features of Organizational Legal Status and Personnel" [in Russian], *Mirovoi sud'ya*, no. 3, (2013): 27–30.

⁸ S.V. Lonskaya, "The Institution of Magistrate Justice in Russia: Theoretical Historical Legal Research" (Doctoral diss., St Petersburg State University, 2016).

⁹ V.M. Bol'shakova, "Comparative Legal Analysis of the Institution of Bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation" [in Russian], *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, vol. 9, no. 7A (2019): 7–17.

V. Ilyukhina,¹⁰ V. Derevskova,¹¹ A. Popova,¹² but it is not the focus of the study either.

The publications by E. Krest'iannikov, one of the leading researchers of Siberian court, raise the question of the inconsistency of the judicial and investigative model of magistrate justice, which was embodied in the remote regions of the Russian Empire, in particular, in the Siberian regions. He assesses negatively the experience of the magistrates who acted in several procedural roles. E. Krest'iannikov writes:

The combination of judicial and investigative functions when implemented in Siberia made the activities of the local magistrate justice unproductive. . .¹³

The scholar was among the first researchers in modern historiography to objectify the phenomenon in question and make an attempt to interpret it scientifically.

Thus, in our opinion, the issue of the judicial and investigative functions of magistrates in the Russian Empire is insufficiently covered in terms of its origin, content, and implementation practices in various governorates and regions of the state.

Main body

In general, the model of magistrate justice, which combined judicial and investigative functions, was created exclusively in the remote regions of the Russian Empire as part of the judicial reforms of the second half of the 19th century. The process of implementing the judicial reform of 1864 and the extension of the judicial statutes of Alexander II continued for more than thirty years, during which a number of principles and forms of the judicial system and judicial proceedings were changed. The factors of these transformations were both contradictory trends in the political course (in the historiographical tradition, it is customary to identify them as a manifestation of counter-reform) and the accumulated practical experience of the functioning of the new justice system, which revealed the weaknesses of the reformed judicial system and procedural institutions.

The regions of the Russian Empire with magistrate judicial institutions that combined judicial and investigative powers were the Caucasus, Arkhangelsk

¹⁰ Ilyukhina, and Ilyukhin, *The Idea of the Magistrate's Court in Russia*, 4.

¹¹ V.M. Derevskova, *Making and Development of Post-Reform Judicial System of Eastern Siberia in the Late 19th – Early 20th Century* [in Russian] (Irkutsk: Art-Press, 2004), 254.

¹² Popova, *Themis in the Era of Great Transformations*.

¹³ E.A. Krest'iannikov, "Implementation of the Idea of Examining Magistrate in the Magistrates of Pre-Revolutionary Siberia" [in Russian], *Cahiers du Monde Russe*, vol. 58, no. 4 (2017): 555–88.

Governorate, regions and governorates of Siberia, Black Sea Governorate, Turkestan, and the Steppe regions.¹⁴

Transcaucasia became the pilot region of the experiment. In 1866, the Regulation on the Application of Judicial Statutes as of November 20, 1864 in Transcaucasian Territory was approved.¹⁵ According to this document, the duties of judicial investigators were assigned to both magistrates and their assistants (Article 5). With the further spread of judicial reform, that norm was introduced throughout the Caucasus (North Caucasus) except for the Transcaspian region¹⁶ where changes were made only in 1899.¹⁷

In 1886, the Regulation on the Administration of Turkestan Territory was introduced. It contained a new rule. According to that rule, the investigation was to be carried out by assistant magistrates and judicial investigators and by magistrates in the uyezds where there were no assistants.¹⁸ In 1888, the Temporary Rules on the Establishment of Magistrate Judicial Institutions and the Investigative Department in Arkhangelsk Governorate (hereinafter referred to as the Temporary Rules of 1888) were introduced in Arkhangelsk Governorate. According to the rules, judicial and investigative functions were combined in the activities of a magistrate.¹⁹ In 1896, district and additional magistrates were assigned the duties of court investigators in the regions and governorates of Siberia.²⁰ In 1898, district and additional magistrates were required to perform the functions of district court investigators in the Steppe regions (the regions of Syr Darya, Samarkand, Fergana, Semirechensk, Akmola, Semipalatinsk, Ural, and Turgai).²¹

¹⁴ *Explanatory Notes on the Draft of the New Edition of Court Regulations* [in Russian], vol. 2, pt. 1 (St Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1900), 25.

¹⁵ *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection (1825–1881)* (hereinafter *PSZ-II*) [in Russian] vol. 41, 1866 (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1868), no. 43880, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹⁶ *Complete Collection of laws of the Russian Empire. Third Collection (1881–1913)* (hereinafter *PSZ-III*) [in Russian] vol. 3, 1883 (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1886), no. 1522, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹⁷ *PSZ-III*, vol. 19, 1899, no. 16490, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹⁸ *PSZ-III*, vol. 6, 1886, no. 3814, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

¹⁹ *PSZ-III*, vol. 8, 1888, no. 5630, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

²⁰ *PSZ-III*, vol. 16, 1896, no. 12932, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

²¹ *PSZ-III*, vol. 18, 1898, no. 15493, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

Among the motives for combining judicial and investigative functions, which guided the Ministry of Justice, the following can be distinguished:

- the possibility of a closer acquaintance of the judge with the local population due to constant travel around the territory of the magistrate's jurisdiction when performing investigative functions;
- the possibility of increasing the number of investigative precincts without increasing state budget expenses (minimizing the costs of remote administrative territorial units of the empire, in E. Krest'iannikov's opinion, one of the main motives for the establishment of judicial and investigative justice);²²
- the possibility of optimizing the performance of procedural functions due to the similarity in the essence of the activities of a magistrate and a judicial investigator:

Within the framework of investigation, the investigator is essentially the same criminal judge who has just stepped down from his judicial chair. . .²³

In 1900, these motives were summarized in the Explanatory Notes on the Draft of the New Edition of Court Regulations (hereinafter the Explanatory Notes of 1900), but they can be traced back to previous periods when magistrate justice was introduced separately from general judicial institutions.

It is worth noting that while being implemented in the above-mentioned areas of the Russian Empire, the judicial investigative model acquired certain differences. Let us note that they may have been caused by the flaws in the legal technique made by the legislator, but they were obvious nevertheless.

Several groups of regions can be distinguished depending on the distribution of judicial and investigative functions: (1) localities where these powers were exclusively held by magistrates; (2) localities where they were performed by assistant magistrates as well; (3) localities where there the positions of court investigators were included in the staff.

There is a certain conventionality in the above classification, since over time, full-time positions of court investigators began to be introduced in certain governorates (for example, Arkhangelsk Governorate) and, of course, the legislator did not allow a direct ban on this procedural figure. The norms of the Establishment of Judicial Institutions and the Regulations of Criminal Proceedings (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code) were not canceled. But at the time of the establishment of the magistrate's court in a particular locality, the legal structures allowing for this classification had been established. Accordingly, Arkhangelsk Governorate can be

²² Krest'iannikov, "Implementation of the Idea of Examining Magistrate".

²³ *Explanatory Notes*, 27.

attributed to the first group; the Caucasus, the Steppe regions, and Siberia, to the second group; Turkestan Territory and Transcaspian Region, to the third group.

The authors of the Explanatory Notes of 1900 highlighted other differences. For instance, it was noted that a rule of the complete and unconditional combination of judicial and investigative functions in the hands of a magistrate was adopted in Arkhangelsk Governorate. In Siberia, there was a certain exception, which consisted in the fact that in the cities where there were several magistrates the possibility of redistributing these powers between them was allowed on the basis of the sanction of the general meeting of the district court. There was a similar rule in Turkestan, the Steppe and Transcaspian regions, but it was applied not only to towns but also to other areas.²⁴

The Caucasian model of magistrate justice, like the Arkhangelsk model, did not imply such a redistribution of powers *de jure*, but *de facto* such cases occurred. In her research, V. Derevskova cites the example of Tiflis Governorate. Dissatisfaction with the judicial and investigative model of the magistrate court and the lack of assistance from the Ministry of Justice prompted the chairman of the local judicial chamber to issue a special circular, according to which investigative powers were assigned to assistant magistrates, and the magistrates themselves performed exclusively judicial functions.²⁵

Thus, by the time the judicial reform was completed, a heterogeneous practice of normative regulation of the judicial and investigative model of magistrate justice had developed in the Russian Empire. Since that experiment covered most of the remote areas, it is important to study the historical context and features of the model in certain regions.

In this article, we will address the experience of Arkhangelsk Governorate. In the Report Submitted to the Monarch on the State of Arkhangelsk Governorate in 1909, Arkhangelsk Governor I. Sosnovskii mentioned the opening of the jury court in the governorate and then noted the following:

To the fore now comes the immediate question of introducing in the governorate independent court investigators, whose duties are still being performed here by magistrates, to considerable detriment for the cause.²⁶

²⁴ *Explanatory Notes*, 30.

²⁵ Derevskova, *Making and Development of Post-Reform Judicial System*, 254.

²⁶ Arkhangelsk Governor Sosnovskii, *Report Submitted to the Monarch on the State of Arkhangelsk Governorate in 1909* [in Russian] (Arkhangelsk: [n.p.], 1911), accessed March 29, 2023, https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_1891484

The critical attitude towards local justice and specifically to this problem was reflected in the periodical press of the city of Arkhangelsk. The socio-political newspaper of the same name noted:

Both the magistrate justice and the investigative department in Arkhangelsk Governorate are poorly organized. . . The reasons for this sad phenomenon lie not only in the personal qualities of local magistrates, living conditions, and the weakness of the police investigation but also in the abnormal combination of a judge and an investigator in one person.²⁷

Such facts of the manifestation of skepticism towards the above-mentioned feature of the judicial system of the governorate, both on the part of the official authorities and on the part of the authors of a relatively independent publication (the newspaper was published by representatives of the Constitutional Democratic Party), can be regarded as a kind of marker of the position of the magistrate's court in Arkhangelsk Governorate at that moment. At the same time, in order to reconstruct an objective picture of the condition of the local magistrate justice, it is necessary to conduct a more detailed study of the historical context of the phenomenon under consideration and objective data on its functioning.

The process of implementing the judicial reform of Alexander II in Arkhangelsk Governorate was carried out according to a specific scenario. As in most of the remote territories of the Russian Empire, it dragged on for many years, while the configuration of judicial institutions there had its own characteristics, and some procedural norms of the Criminal Procedure Code and the Charter of Civil Proceedings were characterized by certain exceptions.²⁸

Preparations for the judicial reform in Arkhangelsk Governorate went through several stages. From 1861 to 1862, a discussion was held on the Basic Provisions for the Transformation of the Judiciary in Russia. Representatives of the judicial department sent their appraisals of the mentioned text to the commission. The appraisals contained arguments about the applicability of certain judicial institutions in local conditions.²⁹ The issue of combining judicial and investigative functions by a magistrate was not raised in those appraisals, which correlated with the general

²⁷ “Local Justice” [in Russian], *Arkhangelsk*, May 26, 1909, 1.

²⁸ O.V. Minchuk, “Specific Features of Criminal Proceedings in the Magistrate's Courts of Arkhangelsk Governorate in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries” [in Russian], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 11 (48) (2014): 2531–35.

²⁹ *Materials on Judicial Reform in Russia in 1864* [in Russian], vol. 21, pt. 1, *Remarks on the Development of the Main Provisions of the Transformation of the Judicial Section in Russia* (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1891), accessed March 29, 2023, <https://www.prlib.ru/item/343145>

approach of the time to “strongly reject” the possibility of assigning additional duties to magistrates.³⁰

In the period from 1864 to 1866, the collection of statistical information in the courts and the development of specific proposals for the introduction of judicial statutes in Arkhangelsk Governorate took place, but neither the proposals of local officials nor the Ministry of Justice raised judicial and investigative issues. In 1866, the central authorities set a course to postpone judicial reforms in Arkhangelsk Governorate, so the decision to partially improve the local judicial system was made only in the early 1880s.³¹

In 1886, Arkhangelsk Governorate Prosecutor M. Koniar submitted a draft of local judicial reforms to the Ministry of Justice. Significant attention was paid to the state of the investigative department and the expediency of combining the positions of a court investigator and a magistrate when introducing that judicial institution.

The author of the project considered the uneven distribution of the workload in the uyezd courts to be the main problem of the existing judicial system at the local level. Despite the fact that 18 to 25 criminal and civil cases were dealt with per month on average, most of them were resolved slowly. At the same time, the main work was concentrated in the hands of investigators, since the criminal proceedings went through a formal investigation, which implied the investigator's personal presence at the scene of the offense, detailed interrogation of witnesses and parties, administer an oath of the former, simultaneous questioning of the persons who gave contradictory testimony, drafting a number of resolutions, and the performance of other formal duties.³²

The investigator's work was complicated by the huge distances that had to be covered along the “primitive” communication routes of Arkhangelsk Governorate. In addition to that, the governorate prosecutor noted the futility of the activities of the district court, since the work of the panel of judges was limited to evaluating and studying the documents that had been compiled by the investigator. At the same time,

³⁰ Krest'iannikov, “Implementation of the Idea of Examining Magistrate”.

³¹ P.N. Gussakovskii, *Ministry of Justice for a Hundred Years: 1802–1902: A Historical Essay* [in Russian] (St Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1902), 153.

³² “Proekt reformy organizatsii mirovykh uchrezhdenii Arkhangel'skoi gubernii 1886 g. (Chernovoi proekt reformy organizatsii mirovykh sudebnykh uchrezhdenii Arkhangel'skoi gubernii, sostavlennyi gubernskim prokurorom)” [Project for the reform of the organization of magistrate's institutions of Arkhangelsk Governorate in 1886 (Draft project for the reform of the organization of magistrate's institutions of Arkhangelsk Governorate compiled by the governorate prosecutor)]. F. 70, op. 2, d. 62, ll. 2 ob.–3. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of Arkhangelsk Oblast] (GAAO), Arkhangelsk, Russia.

the verdict was passed not on the basis of a “personal impression of the case” but according to “a more or less successfully compiled records.”³³

From M. Koniar's point of view, combining the functions of a magistrate and an investigator in one position for Arkhangelsk Governorate was not only desirable in terms of saving public funds but also preconditioned by special local conditions.³⁴ The official also wrote:

As a rule, investigators are young people with little experience who come to serve in Arkhangelsk Governorate only to learn something and to be transferred to service in another judicial institution as soon as there is an opportunity, to the detriment of local justice.³⁵

This feature affected the quality of the procedural actions and reduced the authority of investigators among the local population and the police. According to M. Kornier, in the course of investigations by magistrates, such problems would not arise due to the higher status of a judge.³⁶

At the same time, in his draft, the governorate prosecutor proposed to keep one position of investigator in Arkhangelsk with the introduction of magistrate justice, since there was a greater number of cases in the governorate city than in the uyezds.³⁷

In the “considerations” of the Minister of Justice on the issue of reforming the judicial system in Arkhangelsk Governorate, the issue of combining investigative and judicial functions was described as expedient and feasible.³⁸ It is noteworthy that the Transcaucasian precedent was one of the arguments for approving the implementation of that measure.³⁹

³³ “Proekt reformy organizatsii mirovykh uchrezhdenii Arkhangel'skoi gubernii 1886 g. (Chernovoi proekt reformy organizatsii mirovykh sudebnykh uchrezhdenii Arkhangel'skoi gubernii, sostavlennyi gubernskim prokurorom)” [Project for the reform of the organization of magistrate's institutions of Arkhangelsk Governorate in 1886 (Draft project for the reform of the organization of magistrate's institutions of Arkhangelsk Governorate compiled by the governorate prosecutor)]. F. 70, op. 2, d. 62, ll. 2 ob.–3. GAAO.

³⁴ Ibid., l. 6.

³⁵ Ibid., l. 8.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., l. 9.

³⁸ “Izlozhenie dela o vvedenii mirovykh sudebnykh ustanovlenii v Arkhangel'skoi gubernii (Delo o vvedenii v Arkhangel'skoi gubernii sudebnykh mirovykh uchrezhdenii)” [Statement of the case on the introduction of magistrate's institutions in Arkhangelsk Governorate (The case of the introduction of magistrate's court institutions in Arkhangelsk Governorate)]. F. 1, op 8, t. 2, d. 538, l. 34 ob. GAAO.

³⁹ Ibid.

Serious structural changes in the judicial structure of Arkhangelsk Governorate date back to 1889 and 1896. In 1889, magistrate's courts were introduced separately from the general courts.⁴⁰ In 1896, the District court was established.⁴¹ These transformations were preceded by the adoption of various transitional measures. An interesting fact is that the first magistrate appeared in Arkhangelsk Governorate even before 1889, when the positions of a temporary magistrate and his assistant were introduced in 1886 to deal with the cases on the Murmansk coast during navigation.⁴² The jurisdiction of the temporary magistrate was expanded. The model of the Transcaucasian magistrate's court was used in the transformation of the Arkhangelsk judicial system.

The motives for conducting such an experiment were the need to carry out prompt legal proceedings in the remote territories of the governorate during navigation, since during that period there were a large number of criminal and civil cases in connection with conflicts between fishermen and the local population. The mechanism of implementation was as follows: before the start of navigation, the chamber of criminal and civil courts sent one of its members as a magistrate and one more as a temporary investigator acting as the magistrate's assistant to the remote areas on the coast.⁴³

At the next stage, the institution of magistrate justice was introduced in the entire territory of Arkhangelsk Governorate. It is interesting that its jurisdiction was similar to that of the temporary magistrate of the Murmansk coast. When working on the project of 1888 transformation, the Minister of Justice considered that

the most correct thing, just as it has already been done regarding the magistrate jurisdiction in Murman, is to somewhat expand the generally established jurisdiction for all magistrate's court institutions in Arkhangelsk Governorate. . .⁴⁴

Nevertheless, it was in the Temporary Rules of 1888 that the norm of combining judicial and investigative powers of a magistrate was first legitimized. Article 13

⁴⁰ *PSZ-III*, vol. 8, 1888, no. 5630, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴¹ *PSZ-III*, vol. 16, 1896, no. 12483, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴² *PSZ-III*, vol. 6, 1886, no. 3804, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴³ *PSZ-III*, vol. 6, 1886, no. 3804, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴⁴ “Izlozhenie dela o vvedenii mirovykh sudebnykh ustanovlenii v Arkhangel'skoi gubernii (Delo o vvedenii v Arkhangel'skoi gubernii sudebnykh mirovykh uchrezhdenii)” [Statement of the case on the introduction of magistrate's institutions in Arkhangelsk Governorate (The case of the introduction of magistrate's court institutions in Arkhangelsk Governorate)]. F. 1, op 8, t. 2, d. 538, l. 36 ob. GAAO.

stated that magistrates were entrusted with conducting investigations in criminal cases within the jurisdiction of the first degree of the Arkhangelsk Chamber of Criminal and Civil Court.⁴⁵

Subsequently, in Article 8 of the Temporary Rules on the Organization of the Judicial Section and on the Procedure for Proceedings in Court Cases in Arkhangelsk Governorate dated January 29, 1896, that norm was reproduced with a small addition. The duties of court investigators were assigned to both district and additional magistrates.⁴⁶ At the same time, the Temporary Rules of 1888 contained an article indicating the conditions under which additional magistrates had to perform the duties of district officers (a reference to the Criminal Procedure Code), and there was no such article in the Temporary Rules of 1896. It seems that the amendments of 1896 were rather a reflection of the imperfection of the legislator's legal technique than an attempt to give investigative powers to additional magistrates at the time when they did not perform the functions of a district magistrate.

It is worth highlighting one more difference between the judicial and investigative model of the magistrate's court in Arkhangelsk Governorate of the 1889 and its 1896 version. From 1889 to 1896, the magistrates conducted investigation under the Laws on Judicial Proceedings in Cases of Crimes and Misconduct Published in 1876 (hereinafter Laws on Judicial Proceedings) (Art. 13),⁴⁷ and from 1896, according to the Criminal Procedure Code (preamble).⁴⁸ In other words, the procedural rules to be applied in the investigation were changed. That measure abolished the procedural dualism in the activities of magistrates that arose after 1889, when in cases subject to the jurisdiction of the magistrate justice, they were guided by the new legislation and in the conduct of investigations by the old one. Prior to that, conflicts in law enforcement practice arose, for example, in the instances when magistrates conducted investigations of the cases in which there were no signs of a crime according to the Laws on Judicial Proceedings, thereby doing essentially useless work.⁴⁹

⁴⁵ “Izlozhenie dela o vvedenii mirovykh sudebnykh ustanovlenii v Arkhangel'skoi gubernii (Delo o vvedenii v Arkhangel'skoi gubernii sudebnykh mirovykh uchrezhdenii)” [Statement of the case on the introduction of magistrate's institutions in Arkhangelsk Governorate (The case of the introduction of magistrate's court institutions in Arkhangelsk Governorate)]. F. 1, op 8, t. 2, d. 538, l. 36 ob. GAAO.

⁴⁶ *PSZ-III*, vol. 16, 1896, no. 12483, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴⁷ *PSZ-III*, vol. 8, 1888, no. 5630, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴⁸ *PSZ-III*, vol. 16, 1896, no. 12483, accessed March 29, 2023, https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

⁴⁹ “Doklad o deyatel'nosti Mirovykh Sudei Arkhangel'skoi gubernii po ugovolnym delam (Otchet o deyatel'nosti mirovykh sudei Arkhangel'skoi gubernii po ugovolnym delam)” [Report on the activities of the magistrates of Arkhangelsk governorate in criminal cases (Account of the

The question of the effectiveness of combining judicial and investigative functions by magistrates was raised at the very beginning of the activities of those institutions. In a report to the Minister of Justice “On the Activities of Magistrates of Arkhangelsk Governorate in Criminal Cases” dated December 3, 1891, the Arkhangelsk governorate prosecutor described that combination as “causing no particular inconvenience in practice.”⁵⁰ The city of Arkhangelsk was the only exception. More cases arose in the governorate center than in the uyezd, which is why the prosecutor petitioned for the establishment of a special position of judicial investigator there back in 1890.⁵¹

In 1898–99, as part of the work of the commission to revise judicial regulations, the Ministry of Justice conducted a revision of records management of the magistrates in Arkhangelsk Governorate. The findings were presented in the report of V. Semenov.⁵² The combination of investigative and judicial functions was generally assessed positively. According to the author of the report, local magistrates distributed their cases in advance depending on weather conditions and the state of communications. The practice of temporal and territorial coordination of investigations and trials was widespread. The report also stated that the population had become accustomed to the periodic visits of the judge. The mobile nature of the court was also pointed out as an advantage of the new system, which was convenient for residents.⁵³

Despite a number of advantages of the new system, the problem of judicial and investigative dualism of magistrates in Arkhangelsk Governorate began to worsen in subsequent years. As noted above, it had become obvious to both the leadership of the governorate and the public by the end of the 1909. Over the decade since the ministerial audit in Arkhangelsk Governorate, the burden on the local justice system had changed significantly. For instance, in 1898, 2,223 cases were heard by magistrates as a court of first instance⁵⁴ and 656 investigative cases were opened.⁵⁵ In

activities of magistrates of Arkhangelsk Governorate in criminal cases)]. F. 69, op. 20, d. 4, l. 3. GAAO.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ “Doklad o deyatel'nosti Mirovykh Sudei Arkhangel'skoi gubernii po ugolovnym delam (Otchet o deyatel'nosti mirovykh sudei Arkhangel'skoi gubernii po ugolovnym delam)” [Report on the activities of the magistrates of Arkhangelsk governorate in criminal cases (Account of the activities of magistrates of Arkhangelsk Governorate in criminal cases)]. F. 69, op. 20, d. 4, l. 3. GAAO.

⁵² *Explanatory Notes*, 27.

⁵³ *Explanatory Notes*, 27.

⁵⁴ “Svodnaya vedomost' (Naryad Arkhangel'skogo Okruzhnogo suda po kantselyarii Predsedatelya svedenii, predstavlyaemye starshemu predsedatelyu Moskovskoi Sudebnoi palaty v Ministerstvo Yustitsii i Arkhangel'skomu gubernatoru za 1898 g. o kolichestve prestuplenii i

1909, there were 5,015 criminal cases⁵⁶ and 1,044 investigative cases.⁵⁷ The obvious fact was that the workload had almost doubled, both in terms of judicial and investigative powers. At the same time, during the entire existence of magistrate's courts in Arkhangelsk Governorate, the number of district magistrate judges practically did not change. When introduced in 1889, 20 positions of magistrates and 2 positions of additional magistrates were approved, and in 1891 the position of district magistrate was introduced in the city of Arkhangelsk. Accordingly, small number of cases as one of the main arguments for combining judicial and investigative functions had actually lost its relevance by the beginning of the 20th century. The magistrate justice of Arkhangelsk Governorate needed to strengthen its staff. In 1911, such strengthening occurred when the position of court investigator was introduced in the city of Arkhangelsk.

On March 8, 1917, a session of the Arkhangelsk District Court was held at the general assembly of the departments. It considered the report of Chief Justice S. Gorodetsky on the issue of increasing the number of investigative and magistrate positions in the city of Arkhangelsk and Arkhangelsk uyezd.⁵⁸ It was noted that in June 1914 and in April 1916, petitions were sent to the Ministry of Justice of the Russian Empire for the division of investigative and judicial functions of magistrates in the jurisdiction of the Arkhangelsk District Court. According to S. Gorodetsky, the judicial and investigative dualism of magistrate justice in Arkhangelsk Governorate had a negative impact on the proceedings. "It is extremely rare for magistrates to have both investigative and civil cases going equally well,"⁵⁹ the chairman of the

dvizhenii del)" [Summary statement (Order of the Arkhangelsk District Court for the office of the chief justice for the information submitted by the senior chief justice of the Moscow Judicial Chamber to the Ministry of Justice and to the Arkhangelsk governor for 1898 on the number of crimes and the progress of cases)]. F. 69, op. 9, d. 85, l. 33. GAAO.

⁵⁵ "Vedomost' o dvizhenii sledstvennykh del (Vedomost' o dvizhenii del v sledstvennykh uchastkakh okruga Arkhangel'skogo okruzhnogo suda za 1898 god)" [Statement on the progress of investigative cases (Statement on the progress of cases in the investigative sections of the Arkhangelsk District Court in 1898)]. F. 66, op. 1, d. 210, l. 68. GAAO.

⁵⁶ "Vedomost' o dvizhenii ugolovnykh del" [Statement on the progress of criminal cases]. F. 69, op. 9, d. 499, l. 32. GAAO.

⁵⁷ "Vedomost' o dvizhenii sledstvennykh del (Godovoi otchet za 1909 god)" [Statement on the progress of investigative cases (Annual report for 1909)]. F. 66, op. 1, d. 1564, l. 108. GAAO.

⁵⁸ "Opredelenie Arkhangel'skogo okruzhnogo suda ot 20 maya 1917 goda (Otchety predsedatelya Arkhangel'skogo okruzhnogo suda po obozreniyu deloproizvodstva mirovykh sudei za 1917 god)" [Decision of the Arkhangelsk District Court as of May 20, 1917 (Reports of the Chief Justice of the Arkhangelsk District Court on the review of the records management of magistrates in 1917)]. F. 69, op. 20, d. 87, l. 7. GAAO.

⁵⁹ Ibid.

district court noted. That was especially noticeable in the remote places where judges often had to make trips “hundreds of versts away.”⁶⁰

Of interest is the conclusion about the consequences of a procedural nature. S. Gorodetsky pointed out that if desired, the magistrate could remove almost every investigative case from the prosecutor's supervision and transfer it to the magistrate's jurisdiction, which, in the event of the prosecutor's protest against the verdict, could entail additional investigative actions.⁶¹

In 1914, it was proposed to establish 14 positions of court investigators in order to solve that problem: one for the city of Arkhangelsk, one for Arkhangelsk, Kholmogorskii, Pinezhskii, Onezhskii and Aleksandrovskii uyezds each, and two for Shenkurskii, Mezenskii, Pechorskii, and Kemskii uyezds, not counting the court investigator for important cases. Also, in order to resolve cases of magistrate jurisdiction, it was proposed to keep 16 magistrates out of 21 who were acting at that time.⁶²

The petitions of 1914 and 1916 were approved by the Ministry of Justice in principle, but due to the outbreak of war, their implementation was suspended, since all non-military expenses were reduced to a minimum.⁶³ The only exception was the introduction in September 1916 of the positions of two court investigators, one magistrate, and two assistant prosecutors for the Murmansk Railway area.⁶⁴

In the report under consideration, S. Gorodetsky insisted on the implementation of the 1914 project, but in its truncated version, i.e. exclusively in the territory of the city of Arkhangelsk and Arkhangelsk Uyezd. He saw the adoption of those measures as “urgently necessary,”⁶⁵ since Arkhangelsk with its adjacent uyezd occupied an important strategic place and was a local “theater of war area.”⁶⁶ The situation was aggravated by the disaster that occurred on October 26, 1916 in the port of Bakaritsa,

⁶⁰ “Opredelenie Arkhangel'skogo okruzhnogo suda ot 20 maya 1917 goda (Otchety pedsdatelya Arkhangel'skogo okruzhnogo suda po obozreniyu deloproizvodstva mirovykh sudei za 1917 god)” [Decision of the Arkhangelsk District Court as of May 20, 1917 (Reports of the Chief Justice of the Arkhangelsk District Court on the review of the records management of magistrates in 1917)]. F. 69, op. 20, d. 87, l. 7. GAAO.

⁶¹ “Opredelenie Arkhangel'skogo okruzhnogo suda ot 20 maya 1917 goda (Otchety pedsdatelya Arkhangel'skogo okruzhnogo suda po obozreniyu deloproizvodstva mirovykh sudei za 1917 god)” [Decision of the Arkhangelsk District Court as of May 20, 1917 (Reports of the Chief Justice of the Arkhangelsk District Court on the review of the records management of magistrates in 1917)]. F. 69, op. 20, d. 87, l. 7 ob. GAAO.

⁶² Ibid., l. 5 ob.

⁶³ Ibid., l. 7 ob.

⁶⁴ Ibid., l. 7.

⁶⁵ Ibid., l. 7 ob.

⁶⁶ Ibid.

which was the main port for processing military cargo delivered to Arkhangelsk at that time.⁶⁷ There were several powerful explosions on the steamer *Baron Driesen*, which had arrived from New York the day before. According to local researchers, it was the largest man-made disaster in the history of Arkhangelsk.⁶⁸ According to some reports, 650 people were killed and 839 were injured (according to other sources, 1,166).⁶⁹ Several piers were almost completely destroyed.

S. Gorodetsky noted that the Bakaritsa tragedy required a lot of hard work from the investigative authorities, but there was only one court investigator at the district court.⁷⁰ The Chief Justice warned about possible repeated incidents and sabotage. As a project for the transformation of the investigative department, a proposal was put forward to establish two positions of investigators in Arkhangelsk and two in Arkhangelsk Uyezd. It was also proposed to rename the existing position of court investigator into court investigator of cases of special importance, to abolish the positions of two additional magistrates, and to redistribute the workload of the three acting district magistrates.⁷¹

Due to the subsequent events of October 1917 and the outbreak of the Civil War, the proposals of the chairman of the Arkhangelsk District Court were not implemented.

Conclusion

Summing up, we should stress that the judicial and investigative functions of magistrates, characteristic of a number of remote areas of the Russian Empire, were the result of a certain compromise between the need to introduce a new judicial system and local, primarily geographical, features of governorates and regions. The main motives for combining powers were the following: optimization of public

⁶⁷ A.A. Chukhina, “Explosions in the Port of Bakaritsa and the Defense of Arkhangelsk during the First World War” [in Russian], in *All-Russian Forum of Young Researchers: A Collection of Articles of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference (Petrozavodsk, August 30, 2021)*, ed. I.I. Ivanovskaya (Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva “Novaya Nauka”, 2021), 60.

⁶⁸ L.A. Varfolomeev, “Tragedy in Bakaritsa” [in Russian], *Izvestiya Russkogo Severa*, no. 2 (14) (2012): 31–35.

⁶⁹ N.A. Shumilov, comp., *Arkhangelsk Regional Chronicle (From Ancient Times to the Present Day)* [in Russian] (Arkhangelsk: Agentstvo po delam arkhivov Arkhangel'skoi oblasti, 2014).

⁷⁰ “Opredelenie Arkhangel'skogo okruzhnogo suda ot 20 maya 1917 goda (Otchetny predsedatelya Arkhangel'skogo okruzhnogo suda po obozreniyu deloproizvodstva mirovykh sudei za 1917 god)” [Decision of the Arkhangelsk District Court as of May 20, 1917 (Reports of the Chief Justice of the Arkhangelsk District Court on the review of the records management of magistrates in 1917)]. F. 69, op. 20, d. 87, l. 8. GAAO.

⁷¹ *Ibid.*, ll. 8 ob.–9.

spending in the implementation of judicial reform; bringing the magistrate's court closer to the population of the localities; increasing the efficiency of judicial activities.

The experience of this model of the magistrate's court in Arkhangelsk Governorate can be considered unsuccessful in this respect, but it is worth noting that it was due to the lack of adequate and timely measures to strengthen the staff of the local magistrate justice and miscalculations in the administration of the judicial department. The official personnel and judicial policy did not keep pace with the increase in the judicial workload of magistrates of Arkhangelsk Governorate. Consequently, it is possible to evaluate the effectiveness of the implementation of the judicial and investigative functions of the magistrate's courts only with respect to a specific historical stage of the development of the governorate and to identify the impact of economic and demographic processes on the quantitative and qualitative side of court proceedings.

Список литературы

Архангельская областная летопись (с древнейших времен до наших дней) / составитель Н.А. Шумилов. Архангельск: Агентство по делам архивов Архангельской области, 2014. 540 с.

Большакова В.М. Сравнительно-правовой анализ института мировых судей в Российской империи и Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 7А. С. 7–17.

Большакова В.М. Философские основания применения методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции (Нижний Новгород, 17 ноября 2021 г.) / под редакцией А.А. Демичева, К.А. Демичева. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. С. 44–51.

Варфоломеев Л.А. Трагедия на Бакарице // Известия Русского Севера. 2012. № 2 (14). С. 31–35.

Демичев А.А. и др. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии. Москва: Русайнс, 2021. 176 с.

Деревскова В.М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века. Иркутск: Арт-Пресс, 2004. 344 с.

Джиджавадзе Л.Г. Институт мировых судей в России: история и современность. Ярославль: Филигрань, 2022. 188 с.

Зайцева С.В. История становления и функционирования мирового суда в период 1864–1917 гг. (на примере Курского края): дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный технический университет, 2009. 183 с.

Илюхин А.В. Суд присяжных и мировой суд как классические хронодискретные судебные институты в России: к вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной

школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции (Нижний Новгород, 17 ноября 2021 г.) / под редакцией А.А. Демичева, К.А. Демичева. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. С. 91–101.

Илюхина В.А. Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX в. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2012. 230 с.

Илюхина В.А., Илюхин А.В. Идея мирового суда в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII – первая половина 60-х гг. XIX в.). Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. 252 с.

Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика / под редакцией Л.В. Головки и др. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. 510 с.

Киселева А.В. Особенности судопроизводства в окружном и мировом судах Нижегородской губернии при проведении судебной реформы 1864 г. // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 3 (61). С. 69–77.

Министерство юстиции за сто лет: 1802–1902: исторический очерк / составитель П.Н. Гуссаковский. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902. 340 с.

Минчук О.В. Мировой суд Архангельской губернии (1889–1896 гг.): особенности организационно-правового статуса и кадрового состава // Мировой судья. 2013. № 3. С. 27–30.

Минчук О.В. Особенности уголовного судопроизводства в мировых судах Архангельской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2531–2535.

Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под редакцией А.Д. Поповой, С.В. Лонской. Москва: Проспект, 2016. 286 с.

Попова А.Д. Фемида в эпоху великих преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. Москва: Новый хронограф, 2009. 360 с.

Черепанов С.И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородская академия МВД России, 2018. 31 с.

Чухина А.А. Взрывы в порту Бакарица и оборона Архангельска в годы Первой мировой войны // Всероссийский форум молодых исследователей: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции (Петрозаводск, 30 августа 2021 г.) / под редакцией И.И. Ивановской. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 59–64.

Krest'iannikov E.A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde Russe. 2017. Vol. 58, no. 4. P. 555–588.

References

Bol'shakova, V.M. "Filosofskie osnovaniya primeneniya metodologii khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya" [Philosophical foundations for the application of the methodology of chrono-discrete mono-geographic comparative jurisprudence]. In *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya nauchnoi shkoly Khronodiskretnogo*

monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vtoroi vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Nizhnii Novgorod, 17 noyabrya 2021 g.) [Current problems and prospects for the development of the scientific school of chrono-discrete mono-geographic comparative jurisprudence: A collection of scientific papers based on the materials of the Second All-Russian scientific conference (Nizhny Novgorod, November 17, 2021)], edited by A.A. Demichev, and K.A. Demichev, 44–51. Nizhnii Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021. (In Russian)

Bol'shakova, V.M. “Sravnitel'no-pravovoi analiz instituta mirovykh sudei v Rossiiskoi imperii i Rossiiskoi Federatsii” [Comparative legal analysis of the institution of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, vol. 9, no. 7A (2019): 7–17. (In Russian)

Cherepanov, S.I. “Sravnitel'no-pravovoe issledovanie instituta prisyazhnykh poverennykh v Rossiiskoi imperii po sudebnoi reforme 1864 goda i instituta advokatury v Rossiiskoi Federatsii” [Comparative legal study of the institute of sworn attorneys in the Russian Empire according to the judicial reform of 1864 and the institution of advocateship in the Russian Federation]. PhD thesis, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. (In Russian)

Chukhina, A.A. “Vzryvy v portu Bakaritsa i oborona Arkhangel'ska v gody Pervoi mirovoi voiny” [Explosions in the port of Bakaritsa and the defense of Arkhangelsk during the First World War]. In *Vserossiiskii forum molodykh issledovatelei: sbornik statei IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Petrozavodsk, 30 avgusta 2021 g.)* [All-Russian forum of young researchers: A collection of articles of the 4th All-Russian scientific and practical conference (Petrozavodsk, August 30, 2021)], edited by I.I. Ivanovskaya, 59–64. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva “Novaya Nauka”, 2021. (In Russian)

Demichev, A.A., et al. *Khronodiskretnoe monogeograficheskoe sravnitel'noe pravovedenie: problemy metodologii* [Chrono-discrete mono-geographical comparative jurisprudence: problems of methodology]. Moscow: Rusains, 2021. (In Russian)

Derevskova, V.M. *Stanovlenie i razvitie poreformennoi sudebnoi sistemy Vostochnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka* [Making and development of post-reform judicial system of Eastern Siberia in the late 19th – early 20th century]. Irkutsk: Art-Press, 2004. (In Russian)

Dzhidzhavadze, L.G. *Institut mirovykh sudei v Rossii: istoriya i sovremennost'* [The institution of magistrates in Russia: History and modernity]. Yaroslavl: Filigran', 2022. (In Russian)

Golovko, L.V., et al., eds. *Institut mirovogo sud'i: istoriya, teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [The institution of the magistrate: History, theory, legislation, practice]. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2019. (In Russian)

Gussakovskii, P.N. *Ministerstvo yustitsii za sto let: 1802–1902: istoricheskii ocherk* [Ministry of Justice for a hundred years: 1802–1902: A historical essay]. St Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1902. (In Russian)

Ilyukhin, A.V. “Sud prisyazhnykh i mirovoi sud kak klassicheskie khronodiskretnye sudebnye instituty v Rossii: k voprosu o predmete khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya” [The jury and the magistrate's court as classic chrono-discrete judicial institutions in Russia: More on the subject of chrono-discrete mono-geographic comparative jurisprudence]. In *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya nauchnoi shkoly Khronodiskretnogo monogeograficheskogo sravnitel'nogo pravovedeniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vtoroi vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Nizhnii Novgorod, 17 noyabrya 2021 g.)* [Current problems and prospects for the development of the scientific school of chrono-discrete mono-

geographic comparative jurisprudence: A collection of scientific papers based on the materials of the Second All-Russian scientific conference (Nizhny Novgorod, November 17, 2021)], edited by A.A. Demichev, and K.A. Demichev, 91–101. Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021. (In Russian)

Ilyukhina, V.A. “Evolyutsiya idei mirovogo suda v Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine 60-kh gg. XIX v. (istoriko-pravovoe issledovanie)” [Evolution of the idea of the magistrate's court in Russia in the second half of the 18th – first half of the 1860s (historical and legal research)]. PhD diss., Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2012. (In Russian)

Ilyukhina, V.A., and A.V. Ilyukhin. *Ideya mirovogo suda v Rossii: genesis, evolyutsiya, zakonodatel'noe voploshchenie (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina 60-kh gg. XIX v.)* [The idea of the magistrate's court in Russia: genesis, evolution, legislative implementation (second half of the 18th – first half of the 1860s)]. Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021. (In Russian)

Kiseleva, A.V. “Osobennosti sudoproizvodstva v okruzhnom i mirovom sudakh Nizhegorodskoi gubernii pri provedenii sudebnoi reformy 1864 g.” [Specific features of legal proceedings in the district and magistrate's courts of Nizhny Novgorod Governorate during the judicial reform of 1864]. *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya*, no. 3 (61) (2021): 69–77. (In Russian)

Krest'iannikov, E.A. “Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri” [Implementation of the idea of examining magistrate in the magistrates of pre-revolutionary Siberia]. *Cahiers du Monde Russe*, vol. 58, no. 4 (2017): 555–88. (In Russian)

Minchuk, O.V. “Mirovoi sud Arkhangel'skoi gubernii (1889–1896 gg.): osobennosti organizatsionno-pravogo statusa i kadrovogo sostava” [Magistrate's court of Arkhangelsk Governorate (1889–1896): Features of organizational legal status and personnel]. *Mirovoi sud'ya*, no. 3 (2013): 27–30. (In Russian)

Minchuk, O.V. “Osobennosti ugolovno sudoproizvodstva v mirovykh sudakh Arkhangel'skoi gubernii v poslednei treti XIX – nachale XX vv.” [Specific features of criminal proceedings in the magistrate's courts of Arkhangelsk Governorate in the last third of the 19th – early 20th centuries]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 11 (48) (2014): 2531–35. (In Russian)

Popova, A.D. *Femida v epokhu velikikh preobrazovanii: sudebnye reformy 1864 g. i rubezha XX–XXI vv. v kontekste modernizatsii* [Themis in the era of great transformations: Judicial reforms in 1864 and at the turn of the 21st century in the context of modernization]. Moscow: Novyi khronograf, 2009. (In Russian)

Popova, A.D., and S.V. Lonskaya, eds. *Mirovaya yustitsiya v Rossii: sozdanie, deyatel'nost', istoricheskaya missiya* [Magistrate justice in Russia: Creation, activities, historical mission]. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russian)

Shumilov, N.A., comp. *Arkhangel'skaya oblastnaya letopis' (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)* [Arkhangelsk regional chronicle (from ancient times to the present day)]. Arkhangelsk: Agentstvo po delam arkhivov Arkhangel'skoi oblasti, 2014. (In Russian)

Varfolomeev L.A. “Tragediya na Bakaritse” [Tragedy in Bakaritsa]. *Izvestiya Russkogo Severa*, no. 2 (14) (2012): 31–35. (In Russian)

Zaitseva, S.V. “Istoriya stanovleniya i funktsionirovaniya mirovogo suda v period 1864–1917 gg. (na primere Kurskogo kraja)” [History of making and functioning of the magistrate's court in the period between 1864 and 1917 (a case-study of the Kursk land)]. PhD diss., Kursk State Technical University, 2009. (In Russian)

Информация об авторе

Олег Викторович Минчук – аспирант, старший преподаватель, <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>, o.minchuk@narfu.ru, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия).

Information about the authors

Oleg V. Minchuk – PhD student, Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0002-4813-7191>, o.minchuk@narfu.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 17.05.2024.